

ОТ АВТОРА

Данная книга является **одиной** и не предусматривает ни предысторий, ни продолжения, хотя и является частью мира Шаран.

Здесь затрагиваются триггерные темы: смерть близких, преследование, нездоровые отношения, эротические сцены, особенности анатомии, насилие и некоторые другие. Пожалуйста, учитывайте это и не читайте историю, если подобное вам не подходит.

А если вы готовы, то...

*Оставь снобизм, всяк сюда входящий!
Это место для guilty pleasure¹, так что не говори,
что тебя не предупреждали!
О! И переверни страницу...*

¹ Guilty pleasure (англ., досл. «виноватое удовольствие») — это тайное увлечение или занятие, которое приносит человеку удовольствие, но при этом вызывает чувство стыда или неловкости и кажется «несерьезным».

Умница.

Мы повеселимся! А ты уже на самом краю.

Пришло время сделать последний шаг.

Позволь бездне истории поглотить тебя.

Порочные змеи уже ждут.

Добро пожаловать в серпентарий!

SERPENTARIUM

Серпентарий — это разновидность террариума, предназначенного для содержания змей.

В научных серпентариях добывают змеиный яд, который позднее используют в лечебных целях. Например, его применяют для изготовления противовоспалительного средства при заболеваниях периферической нервной системы. Так что ядовитые змеи не всегда представляют опасность, иногда они и помогают людям...

*Э. Хоркам
«Змеи и прочие гады»*

Глава 1

ПЕПЕЛ И СЛОВА

Пташка

«Если ты читаешь это, значит, меня убили», — гласила первая строчка письма. Его Нура не смогла бы забыть, даже если бы сильно захотела. А страшные слова болью пульсировали в висках, стоило лишь вспомнить, что *она* не умерла, *ее* убили.

Сейчас, когда обнаженные лопатки упирались в твердую шершавую стену, а грудь — в горячее мужское тело, Нура снова и снова прокручивала слова из начала письма.

Что, если *ее* убил тот, кто теперь стоял прямо здесь? Что, если...

— Какое мучение... — Его шепот вливался в уши ядом.

Нура злилась на собственную слабость. Она трепетала от страха, хотя мужчина перед ней не сделал ничего плохого. Он стоял близко, но не касался, между ними сохранялось крохотное расстояние, не мешавшее ощущать чужой жар, будто от лихорадки. На шее мужчины под темными татуировками проглядывались вены, он дышал сквозь сжатые зубы, а его глаза не моргали. И Нура не могла отвернуться от завораживающих глаз цвета красного вина. Радужку прорезали по-кошачьи узкие зрачки, которые медленно расширялись.

— Ты так на *нее* похожа, — простонал мужчина. Он наклонился, и Нура ощутила, как раздвоенный язык прошелся по линии ее челюсти. — Даже пахнешь похоже...

Нура была близка к тому, чтобы потерять сознание прямо там, в комнате, пропахшей табачным дымом, рядом с опасным

мужчиной, от которого несло бурбоном. Сердце птицой билось о клетку ребер, в груди становилось все теснее, а по позвоночнику расплзался холодный ужас.

— Я не *она*, — хрипло выговорила Нура, вжимаясь в стену — единственное, что помогало оставаться в вертикальном положении.

— Да... — Снова этот шепот. От него во рту растекался полынный горький привкус. — Ты не *она*.

Удивительно, как и мужчина, и сама Нура избегали *ее* имени.

Кея.

Ее звали Кея.

Нура и Кея делили один день рождения и одно лицо. Те же низко посаженные густые брови, тот же прямой нос, те же серые глаза... Только глаза сестры были закрыты... Теперь закрыты навсегда...

За три года Нура привыкла к отсутствию Кеи. Сестра так внезапно бросила университет, разругавшись по этому поводу с мамой, и так быстро уехала в столицу Восточного кантона¹, что никто ничего и понять толком не успел. За эту резкость мама, кажется, еще сильнее обиделась на Кею. Их старший брат придерживался более нейтральной позиции, но все же был скорее против сумасбродства сестры.

А Нура... Она училась жить без Кеи. Ее отъезд — болезненное расставание. Сестры всегда были рядом, спали в одной комнате, перешептывались ночами и хихикали, доверяли секреты, но вдруг все изменилось. Их разделили города, разговоры стали короткими и скупыми. Даже связь по нусфону² не длилась долго. Кея почти ничего не рассказывала о жизни

¹ Кантон — административно-территориальная единица внутри государства.

² Нусфон — аппарат для передачи и приема мысли в виде звука и текста на расстоянии между двумя немагами или между немагом и магом. Передача осуществляется посредством магических сигналов.

в столице. Сердце Нуры разрывалось в клочья от боли и обиды на сестру. Как она могла бросить собственную близняшку? Как могла игнорировать ее?

А однажды утром пришло письмо... Тогда был выходной, и первый день Нуры в качестве безработной. Об увольнении она семье так и не сообщила, опасаясь скандала. Ведь от Нуры никто не ожидал таких резких решений, она всегда была кроткой и послушной. Не перечила матери, ни когда та отправила ее учиться на экономический факультет, ни когда через знакомых пристроила работать бухгалтером. Страшно представить, сколько пришлось бы выслушать от семьи по поводу «опрометчивого поступка», и ведь им ничего не доказать...

Так что весточка от Кеи в тот момент была воспринята как добрый знак, потому что сестра наверняка поняла бы и поддержала Нуру. Другое письмо осталось без внимания. Адресантом значился полицейский департамент, потому и Нура, и мама решили, что это, скорее всего, штраф за превышение скоростного режима на старом мобиле¹.

Нура скрылась в своей комнате, спеша прочесть долгожданное послание от Кеи. Первые строчки запомнились ярче всех, они шли до стандартного приветствия, потому что, очевидно, были важнее:

Если ты это читаешь, значит, я мертва. Меня убили.

Слова вызвали дрожь, в горле встал ком. Нура надеялась, что написанное окажется какой-нибудь шуткой. Неудачной и ужасной, но только шуткой.

Дорогая моя Нура!

Важно, чтобы ты поняла: если это письмо в твоих руках, значит, кто-то решил заткнуть меня. Я не хочу, чтобы у них получилось все скрыть. Голос Кеи Йон они должны услышать даже после того, как убили меня. Надеюсь, ты сможешь.

¹ Мобиль — аналог машины, двигателем которой выступает магический артефакт.

У меня есть компромат на тех, кто угрожал мне. На всех, кто может быть моим потенциальным убийцей. Доберись до этой информации и покажи общественности, опубликуй ее. Делай все очень быстро, чтобы никто не успел достать тебя!

Я оставила подсказки только для самого близкого мне человека — для моей близняшки, для тебя, Нура. Также можно найти помощь у человека, с которым мы...

Письмо обрывалось. Буквально. Кея оторвала часть бумаги, а продолжение шло на обратной стороне. Там буквы немного скакали, будто сестра дописывала концовку в спешке.

Все изменилось. Мне пришлось уничтожить ту часть, которая может навредить тебе. Все куда опаснее, чем я полагаю. Не лезь в это! Просто знай, что я не убивала себя. Я оставлю тебе все то, что принадлежало мне. Забери, что захочешь, и уезжай. А главное — НИКОМУ НЕ ДОВЕРЯЙ!!!

Скажи маме и брату, что я их люблю. И помни, что больше всех на свете я люблю тебя, моя милая сестренка. Ты мое отражение, моя близняшка. Береги себя.

Стоило дочитать последнюю строчку, как послышался мамин всхлип. Она тоже открыла свое письмо. Это был не штраф. Это было уведомление с приглашением на опознание тела...

Нура, мама и брат тем же вечером выехали в Рагнар — столицу Восточного кантона. Уже утром они стояли в холодном помещении, где на металлическом столе лежал труп.

Лежала Кея.

Мама рыдала, плакал и брат, а Нура не проронила ни слезинки. Все словно замерло, застыло, как в янтаре. И она пустым взглядом смотрела перед собой, не понимая, что происходит.

Это не могло быть правдой. Просто не могло. Ни документы, которые дали подписать; ни захламленная арендованная квартира Кеи, которую с остервенением убирала

мама, лишь бы забыть о том, что ее ребенок мертв; ни хозяин квартиры, с которым разговаривал брат, прося разрешения остаться ненадолго; ни люди в черных одеяниях, готовившие похороны.

Казалось, что все происходит с кем-то другим. С какой-то другой Нурой. И она все глубже погружалась в омут отчаяния и все меньше понимала, что творится вокруг: кому-то кивала, что-то отвечала, но едва ли различала собственные слова. Все это длилось вечно, пока кто-то не похлопал ее по плечу и не сунул под нос что-то мерзко пахнущее. Только тогда Нура вздрогнула и подняла взгляд на незнакомца.

Голос его звучал так глухо, словно из-под толщи воды, и разобрать удалось лишь окончание:

— ...проститься и вы?

Нура моргнула раз, другой, пытаясь сосредоточиться, понять, где она и что случилось. Постепенно туман, укравший разум, начал исчезать, и стало ясно, что Нура сидит на лавочке. Рядом вилась выложенная камнем дорожка, ведущая к огороженной площадке для ритуальных сожжений. Повсюду разливалась песня серебряных колокольчиков, висевших на деревьях чуть поодаль. Считалось, что их звуки отпугивают злых духов Великого леса.

Перед Нурой остановился молодой мужчина в темном костюме. Голову его венчала шляпа с широкими полями, характерная для служителей Смерти — Жнецов. Они, облаченные в черное, с опущенными вниз лицами и тусклыми глазами, сопровождали мертвецов в их последний путь — в могилу, какой бы она ни была. Жнецы знали традиции погребения всех конфессий Шарана¹ и еще нескольких с Древней родины². Потому, наверное, ни на одном материке не существовало похоронного бюро, которым бы владели не Жнецы.

— Что вы сказали? — наконец слабо отозвалась Нура.

— Прошу прощения, что подал нюхательную соль, я счел необходимым привести вас в чувство. Ваши брат и матушка

¹ Шаран — название мира, где происходит действие.

² Древняя родина — обозначение Земли у местных.

уже простились, посему обязан уточнить, не хотели бы проститься и вы? — терпеливо повторил Жнец. Его бледное лицо не выражало ровным счетом ничего. Уголки тонких губ были опущены, под темно-кариими глазами пролегли тени, как если бы мужчина не спал несколько ночей. Он глядел на Нуру, но словно смотрел сквозь нее.

— А... Да. Извините, — промямлила она, — я просто задумалась...

— Понимаю, — кивнул Жнец, подавая ей руку. — Позвольте?

Нура согласилась, вкладывая свою ладонь в его, затянутую в черную перчатку. Начало лета выдалось, конечно, прохладным, но недостаточно, чтобы перчатки не показались лишним атрибутом.

— Надеюсь, вы не против, — Жнец взял ее под локоть, — если я послужу для вас временной опорой, госпожа Йон.

Она благодарно кивнула и последовала вместе с ним к круглой площадке, обнесенной кованым забором. Там, на возвышении, покоился гроб. Колени дрожали сильнее с каждым шагом, голова кружилась, а перед глазами резко потемнело. Нура покачнулась, но Жнец вовремя перехватил ее за талию и прижал к себе, спасая от падения.

— Все хорошо, госпожа Йон, — его дыхание защекотало ухо, — так бывает.

От Жнеца пахло дымом костров и благовониями, тяжелым ароматом похорон, пропитавшим его кожу, черные бездны глаз и даже голос. Он будто уже умер, настолько сильно от него веяло смертью. Наверняка он привык видеть трупы. Такая у него работа. Такая у него жизнь.

Нура же стелкивалась с подобным впервые, ведь на похороны бабушки девочек не взяла. Мама решила, что они слишком малы для этого, и оставила их дома. Странно было теперь встретиться со смертью так — глядеть в мертвое лицо, невыносимо похожее на собственное.

Кея лежала в простом деревянном гробу, обшитом изнутри бирюзовым атласом. Вокруг него все устави́ли растениями, а под ними спрятали незажженные благовония. Сестра

утопала в цветах, тонкие руки были сложены на груди поверх черного бархатного платья. В коротких русых волосах змеились изумрудные пряди, и без того бледная кожа теперь отливала серостью. Лицо Кеи стало неестественно гладким, почти восковым, но умиротворенным, даже уголки губ будто бы приподнялись в расслабленной полуулыбке. Казалось, что сестра просто заснула, но вот-вот очнется. Однако ничего не происходило.

Нура замерла у гроба, пытаясь найти в знакомом облике ответы, которые роились в голове. Что скрывала Кея? Кто убил ее? Перед глазами застыли слова из письма про угрозы и компромат. Чем занималась сестра в столице? Почему отдалась от семьи? Неужели только из-за глупого конфликта? А может, было что-то еще?

— Что же случилось, Кея? — Губы едва шевелились, голос дрожал и терялся в перезвоне колокольчиков. Имя сестры задребезжало в воздухе, рассыпаясь острыми осколками горя.

Нура отчаянно желала понять, почему ее близняшка умерла. Хотелось верить, что однажды удастся раскрыть правду. Пускай это не вернет Кею, но, по крайней мере, наказание для убийцы послужит утешением.

Трясущаяся рука опустилась к бескровному лицу, и подушечки пальцев осторожно коснулись ледяного лба.

— Прощай, сестренка.

На мгновение почудилось, что в колокольчиках запутался чей-то голос, откликаясь еле слышно: «Прощай».

На деревянных ногах Нура вышла за ограду и встала между братом и мамой. Жнецы же принялись за дело...

Всего на миг воцарилась тишина. Даже звон прекратился. В воздухе затрепетало дыхание, а сердце разгонялось внутри. Вспышка. Белая, яркая настолько, что защипало в глазах. Птицы вспорхнули с ближайших деревьев, а Нура смотрела на магический огонь, за которым ничего не было видно. Но и так ясно, чем занималось пламя. Оно жадно перемалывало гроб вместе с телом Кеи. Запахло оставленными благовониями, скрывающими вонь жженой плоти.

Колокольчики пели надрывно, и в их звон вплетались гортанные молитвы Жнецов. Пламя тухло постепенно, пока не показался оставшийся на постаменте пепел. Легкий, почти невесомый, он улетал прочь, подхваченный ветром.

— Да будет душа ее легка, — распевно заканчивал молитву Жнец, — как пепел тела ее. И пусть дух ее крепнет и возвращается новой искрой пламени жизни. Амэн.

Последнее слово будто сорвало весь дурман предыдущих дней, все стало ясным и видимым. Все стало слишком реальным.

Кея мертва. Ее больше нет и не будет.

Нура взвыла, уткнувшись маме в плечо и рыдая так, как не рыдала никогда до этого. Она проплакала весь оставшийся день похорон. Словно все эмоции от смерти сестры наконец нашли выход. Уставший и опустошенный организм обрел единственное спасение — сон. Глубокий, лишенный грез и кошмаров.

Ночь они провели в арендованной квартире сестры. Нура и мама легли вместе в спальне на широкой кровати между балконом и огромным зеркалом почти во всю стену. Брат остался на диване в гостиной.

Утром мама приготовила омлет, пока брат сонно щурился, а Нура умывала припухшее после слез лицо. Когда она вышла на кухню, мама похлопала ее по плечу и ушла в спальню собираться. Брат занялся тем же, запихивая в рюкзак мелочи вроде футляра с зубной щеткой.

Нура медленно пережевывала еду, запивая почти остывшим кофе. Она сидела на барном стуле за высоким столом-стойкой, разделившим кухню и гостиную, глядя на город за окном зала. Слева находился коридор, ведущий к ванной и спальне.

— Кея все завещала тебе. Вряд ли у нее много собственности, так что... Думаю, ты тут ненадолго, — начал брат. — Я договорился с хозяином квартиры, декада у тебя точно будет. Если что, его зовут Элат Реих, он тут не живет, но сам зайдет.

Магазины рядом, легко найдешь. Если нет, посмотри по карте, она на полке. Деньги есть?

— Есть, — буркнула Нура, сползая со стула и относя посуду в мойку.

— Хорошо. Не забудь разобрать вещи Кеи. Ее байк погнали на парковку у дома. И документы посмотри, вон там, — брат кивнул на выдвижные ящики под полупустыми полками, — бардак был полный. Я еле ее паспорт нашел, чтобы сдать, мама убралась и там, но посмотри, оставь только нужное. Свидетельство о смерти — в папке.

Нура подошла ближе, замечая на кофейном столике упомянутую папку и какой-то бумажный пакет на полу.

— Это твой?

— Нет. Там вещи Кеи, которые были на ней, когда она...

— Разве это не улики? — удивилась Нура.

— Дело закрыто.

Два слова. Они будто ударили под дых, выбивая весь воздух из легких. Пространство перед глазами на миг поплыло, но потрясение оказалось слабее нарастающей злости:

— Матс, что значит «закрыли»? Какого Морока¹? Почему?

— Потому что Кея упала сама. Что касается письма... Ты видела, сколько тут осталось пустых бутылок? А самокрутки? Я не уверен, что Кея была в себе, когда все это писала. А ты?

— А я верю сестре!

— Думаю, зря.

— Ну так не думай, все равно выходит погано! — Горе Нуры сменилось гневом.

В глазах Матса вспыхнула ярость, но тут же погасла, он отбросил рюкзак на серый угловой диван, подошел ближе и мягко заговорил, объясняя:

— Слушай, понимаю, ты переживаешь больше моего, но... Кея напилась, уехала на своем жутком байке за город,

¹ Морок — в культуре местной страны могущественный дух, желающий уничтожить мир. По преданиям, ныне заперт в недрах континента, однако может являться в дни истончения барьера между мирами, наводя морок на людей.

свалилась у какой-то заброшенной многоэтажки, увидела ее и вошла внутрь. Поднялась на крышу, а там, может, споткнулась... Я не знаю. Но она упала. Сама.

Нет, Нура не верила в эту версию. Кея всегда была немного... рискованной, но зачем ей вообще было идти в какое-то заброшенное здание? А в письме сестра упоминала, что ей угрожали!

— Других следов не обнаружили, — продолжал брат, — так что дело закрыто. Тела Кеи больше нет, а мы подписали все бумаги, помнишь?

Нура не помнила. Она была в таком смятении, что с трудом могла воспроизвести прошедшие пару дней. Но что делать? Бежать в полицию и убеждать, что подписала бумагу с затуманенным от горя рассудком? Вряд ли они отнесутся с пониманием...

Все уже списали на несчастный случай, и убийца ушел от ответственности. Он все еще оставался на свободе, все еще ходил по земле, все еще дышал и наслаждался жизнью, а прах Кеи развеялся по ветру... Ее убили, а остальные отвернулись, закрыли глаза на это. Никто не хотел верить, не хотел даже предположить, что Кею убили. Им некогда было думать о человеке, от которого остались лишь пепел и слова в письме, проще забыть, свернуть дело. Проще смириться, это ведь так удобно...

Но Нура не могла отмахнуться от письма, стереть его из памяти. И для нее стало шоком, что Матс и мама смогли. Наверное, сестра предполагала такой исход. Догадывалась, что близкие не будут добиваться правды и поверят в ее испорченность, поверят, что Кея сошла с ума. Потому письмо было адресовано именно близняшке. И Нура оправдывает доверие. Она найдет убийцу сестры! Просто обязана сделать это...

Брат и мама уехали незадолго до отправления поезда. Как только дверь за ними захлопнулась, квартира погрузилась в безмолвие. Непривычная тишина была почти физически ощутима, как и пустота... Никого и ничего знакомого, только оглушающее молчание чужих стен. Но решимость начать собственное расследование не угасала.

— Расследование, — под нос фыркнула Нура.

Слово казалось каким-то слишком громким и амбициозным. А она больших ставок на себя не делала. В конечном итоге нужно только найти улики, выяснить о сестре все, чтобы заставить полицию возобновить дело. Но что нужно предпринять? Нура знала о расследованиях только из детективных романов и статей о громких преступлениях далекого прошлого вроде убийств Аконита или Глифа, произошедших на другом материке зим сто назад.

Итак, с чего начать? Обычно в книгах опрашивают свидетелей, близких и приятелей. О первых неизвестно, вторые никакой информацией не располагают, а третьи... Нура понятия не имела, с кем Кея дружила в Рагнаре. Нужно найти контакты, а пока... Чем еще можно заняться?

Взгляд упал на то, что должно было стать уликами, — на пакет с вещами Кеи. Все, что в нем хранилось, Нура вытаскивала поочередно. Сверху лежала кожаная куртка. Локти были стесаны. Видимо, это случилось из-за падения с байка перед... перед тем, как Кею убили. На штанинах джинсов остались капли грязи, а с подошв высоких ботинок крупными кусками откальвалась присохшая земля.

— И что это дает? — скептически спросила вслух Нура. — Знание о том, что Кея ходила по грязи? Да уж, достижение...

На дне пакета валялись мелкие предметы. Наверное, они были в карманах: треснувший нусфон, полупустая упаковка сигарет, зажигалка, какой-то чек и свернутый мятый листок. Нура с нетерпением раскрыла его. Это было заявление об увольнении с должности администратора клуба «Серпентс». Дата соответствовала числу за день до обнаружения тела... То ли Кея так и не отдала заявление, то ли это был черновик. Но в любом случае теперь известно место ее работы. И туда стоит сходить.

Нура сложила вещи обратно. Это все еще улики. Пока что только для одного конкретного недодетектива, но если получится, то пакет вернется в полицию, и им придется ответственнее отнестись к каждому предмету внутри. Сейчас же важно найти этот «Серпентс».